

полита. Вряд ли это умолчание случайно. По-видимому, художник сознательно рассчитывал на эту образную аберрацию. В 60-х годах о поставлении митрополита много говорится в летописи: в 1461 г. умер митрополит Иона, последний из ставленников патриарха царьградского, «и от сих лет начаша ставити митрополитов на Москве, к Царьграду не ходя».³⁶ Летописец с пафосом рассказывает о первом поставлении на Руси митрополита Феодосия: «Тоя же весны поставлен на митрополию архиепископ ростовъски Феодосей владыками русскими нашеа земля Московския, Суздальским Филиппом, Рязанским Ефросимом, Коломенским Геронтием, Сарьским Васианом. А Новгородскы архиепископ Иона и Тферьскы владыка прислаша послы з грамотами своими, глаголюще тако: „Кого въсхощет господь бог и пречистая мати его и великыи чудотворци и господин нашъ князь великы Василен и братья наша епископи русти и иже с ними освященныи собор, то и наш митрополит, и подписашиа вси за един“».³⁷ Этому событию придавалось огромное значение. Отныне русская митрополия не зависела больше от Константинополя, а митрополит московский приравнялся по своему значению к патриарху. Недаром три года спустя не в Царьград, а на Москву едет поставляться митрополит иерусалимский, «от митрополита нашего и от епископ земли Русския», — говорится в летописи.³⁸ Однако, хотя в Москве высоко ценили независимость, приобретенную русской церковью, здесь прекрасно отдавали себе отчет в том, насколько важно было подчеркнуть преемственность, которая связывала новых митрополитов, поставленных русским собором, с древними святителями, благословленными патриархом, и прежде всего с митрополитом Петром. И, возможно, не случайно, под 1461-м годом, после описания поставления Феодосия рассказывается о построении князем новой церкви у Боровицких ворот, «а преже бе древяна, — добавляет летописец. — Глаголют же, яко то пръваа церковь на Москве... та же и соборнаа церковь была при Петре митрополите и двор митрополич туто же был».³⁹ Непосредственно за этой записью говорится о чуде на гробе Алексея. В таком подборе известий нельзя не угадать определенной мысли, которая в начале 70-х годов XV в. получает отчетливое выражение в деятельности московского митрополита Филиппа. Не только в строительстве нового Успенского собора, но и в самом предсмертном завещании своем Филипп стремился подражать Петру митрополиту, и это внимательно отмечается летописью.

В иконе Дионисия тема преемственности, связи Алексея с Петром, раскрыта не только сюжетно, но и чисто пластически. Изображение Успенского собора и гробницы Петра, которым завершается повествование в первой иконе, повторяется затем в девятом клейме иконы Алексея. Ниже, в четырнадцатом клейме, последнем, изображающем Алексея при жизни — представлено, как Алексей, подражая Петру, строит себе гробницу в Чудовом монастыре, причем эта гробница по форме точно повторяет гробницу Петра. Алексей в трактовке Дионисия выступает не только как преемник Петра, но и как связующее звено между Петром, ставшим легендой, мифом и современной художнику церковной действительностью XV в. Он изображен беседующим с Сергием Радонежским, представлено, как он основывает Андроников монастырь. Заканчивается повествование изображением чуда исцеления хромого чернца Наума — события, в сущности, современного Дионисию.

³⁶ ПСРА, т. VIII, стр. 149.

³⁷ ПСРА, т. XXV, стр. 277.

³⁸ ПСРА, т. VIII, стр. 278.

³⁹ ПСРА, т. XXV, стр. 277.